

Игорь ПОТОЦКИЙ

Не только об Одессе

29 НОЯБРЯ ИГОРЮ ИОСИФОВИЧУ ПОТОЦКОМУ ИСПОЛНИЛОСЬ 60 ЛЕТ. ПОЗДРАВЛЯЕМ!

На Дальнем Востоке

Природа от себя не отпускает,
а властно, словно женщина, зовет.
Леса какие и луна какая,
что по небу в вечерний час плывет!

У озера, где летом лебедь плавал,
весной опять поднимется трава.
Мне не нужна прижизненная слава,
но мне нужны высокие слова,

чтоб передать закаты и рассветы,
поляну, стог, избушку лесника,
ведь если я умру, никто об этом
не скажет так, как я, наверняка!

Моя мама

Моя мама не щеголяла в дорогих нарядах,
а книгу читала или обед варила,
следила, чтобы в доме

был идеальный порядок,
при этом двух сыновей растила.
Порою так уставали руки,
что легкой книги они не держали,
а за окном метели и вьюги
такие, что окна в доме дрожали.
Отец уходил рано, а возвращался поздно,
часто ночами пропадал на полигоне.
Маме снились черноморские звезды,
будто они лежали у нее на ладони.
Мы часто меняли гарнизоны —

так получилось,
вернее, так приказало начальство свыше.
Мама улыбалась — никогда не сердилась,
мама говорила, что мы свое счастье ищем.
Ни для кого не была примером,
никто о ней не писал вдохновенно.
Моя мама была женой офицера
самой обыкновенной.

От города Бикина в тайге тревожной
происходит слово мое неосторожное,
дотошное, брошенное на первозданный снег,
потревоженное, как колокол гулкий во сне.
И это слово, выглядывшее сурово,
срывается с губ моих бестолково
потерянной подковой, нашедшейся вновь,
не затерявшейся в шеренге слов.
Помогает мне выстоять в годину злую,
где я и радуюсь, и негодую,
обида просеиваю через сито,
а губы сжаты мои сердито,
а мысли стремительные витиеваты,
как таежные рассветы или закаты.

Я помню детство в гарнизоне
таежном, там дубов не счесть,
их шелестят ночами кроны,
что главное на свете — честь.

Совсем не делают карьеры,
а весело поют в ночи
молоденькие офицеры —
смутьяны, черти, трепачи.

И пьют они напропалую,
и анекдоты травят всласть,

не признавая никакой
полусомнительную власть.

В Одессе

Ты ко мне прибежала стремглав,
светом радостным напоила,
вся — мелодия летних трав,
ведь от них твоя звонкая сила.

И теперь мне грустить не резон,
пусть порою грущу я и плачу,
но историй придуманный фон
снова радость сулит и удачу.

Вновь волна за волною спешит
по странице возвышенной прозы,
и приезжих легко насмешит
тетя Роза на шумном Привозе.

Пройдем с тобою по Соборке,
как будто это в первый раз,
глота сладкий или горький
дым необыкновенных фраз,
построенных с таким расчетом,
что, как земля, они круглы
и ароматны, словно соты,
и мелодичны, и не злы.
Пройдем в свои воспоминания,
чтобы припомнить нам опять,
как говорливо утро раннее,
когда тиха морская гладь.
И музыка слышней далекая
из тех, запавших в память дней,
когда кружил я рядом соколом,
еще страшась руки твоей.
Но подхватила нас стремительно
невыразительная страсть,
и фонари мерцали мстительно,
всегда двоясь или троясь.
Фонарный свет в ночи блаженствовал,
как будто вражеская рать,
но поцелуй замкнул их шествие,
пусть повторится он опять
на той немислимой Соборке,
что вновь благословила нас,
глота сладкий или горький
дым необыкновенных фраз.

В той Польше благонаравной,
хоть своенравной очень,
с тобой две ночи славных
то плачем, то хохочем.
И мне необходимо
с тобой по снегопаду
бродить, читать Тувима
последнюю балладу,
написанную в Лодзи...

Мой дедушка из Лодзи
имел капризных дочек.
И у одной из дочек
родился я — сыночек.
Я в Польше был наездом —
проездом из Парижа.
Под звездной стоял бездной
и голос деда слышал.
Он окликал двух дочек,
играл он с ними в жмурки.

Не знал, что я — сыночек
меньшой его дочурки.
Я слышал его голос
до самого вокзала.
И там, где тьма кололась,
вновь солнце проступало.

Краковские стихоплеты
в бархатные переплеты
оформляют перелеты
меж реальностью и сном.
Стиховая строчка вьется, набирая обороты,
а зима бесповоротно
покрывает все снежком.
Мы с тобой бродили долго
меж причудливых костелов.
Ты с нахальной улыбкой
снег ловила жадным ртом.
Не скрывала ты восторга
и была всю ночь веселой,
не хотела быть суровой,
радовалась, что вдвоем.
Нам казалось, что усталость
вновь в гостинице осталась,
что она нас не касалась
своим вдумчивым пером.
Ты меня поцеловала,
а потом в любви призналась,

Как и водится, в апреле
с солнцем нерушима связь.
Пан играет на свирели,
на скамейке развалился.
Останавливая взгляды
совсем юных женихов,
хоровод ведут наяды,
пенье их — до облаков.
Бабка Шая, не мешая,
рядом с Паном разлеплась,
а Лаокоон решает
промолчать в последний раз.

В Санкт-Петербурге снова ветер
любовных чувств,
ведь не напрасно Вас я встретил —
опала грусть.

Мы целовались здесь, на Мойке,
и плыл июль,
и замерла душа в восторге
под поцелуй.

Здесь Вы опять читали Рильке,
и все нежней
звучал Ваш голос, как из книги
любой хорей.

Звенела вновь ночная площадь
на сто октав,
и дальше мчалась счастья лошадь,
словно состав.

И белой ночи колыханье,
стука в окно,
вновь легко пугало дыханье
твое-мое.

но мне это показалось
самым быстрым в жизни сном.
В середине ночь — так поздно.
Падая снег совсем не грозно,
воздух был слегка морозным,
был весь Краков в серебре.
И сквозь тот морозный воздух
падали в ладони звезды,
словно радостные строчки,
обращенные к Тебе.

Сбежали мы, как двое пленных,
от страшных пыток —
садистских, мрачных, вдохновенных
чужих ухмылок.

Мы покидали поле брани
с тоскою лютой,
а дождь по стеклам барабанил
нашей каюты.

И плыл пейзаж мексиканский
от нас налево.
Вновь ярко проступили краски
вечерней сельвы.

Среди напыщенной и важной
испанской речи
дымилась кратеры отважно
холмов-наречий.

Но обходились мы без лавы
тех ярких звуков —
причерноморские дубравы
просились в руки.

Брожу по ночной Одессе
и восхищаюсь снова
случайно брошенным словом,
как будто оно из детства, —
протяжное и не злое,
возникшее из окна,
когда вся улица в зное,
совсем доконавшем меня.
И слышу — радость и мука —
я яркость внезапных слов,
произнесенных старухой
для внука, менявших покров,
как звезды над головою
и как платанов речь,
которая нас с тобою
могла в секунду увлечь.

Возьми припадок Потемкинской лестницы,
равнодушной к шарканью
туристов подошв,
постой над морем, где луна, свесившись
с неба, щебечет про вчерашний дождь.
Стань возле молчаливого Дюка,
не говоря с ним про свою боль,
а Дюк моментально начнет аукаться
с вечерней темнотой вместе с тобой.
Потом пройди случайным фраером
по Дерibasовской,
где красоток не счесть,
и можно потом уехать в Сараево,
если деньги на дорогу есть.

В том Амстердаме, где вещая птица
Сулила нам безоблачное счастье
На неделю, дождик беспутный все длится,
Как щупальца нашей с тобою страсти.

Он булькает по веселым лужам,
Сделав их своею добычей,
А темная туча над городом кружит
И не меняет своих обличий.

Стоят дома, как в шахматных клетках
Фигуры, застигнутые врасплох
Дождиком, который с ветки на ветку
Перепрыгивает
и в прыжках своих знает толк.